BETEPAH

Неожиданное появление секретарши директора у закутка охраны в проходной удивило его. Не по возрасту надменная девица, всем своим видом выражая недовольство обстоятельством, заставившим спуститься с третьего этажа, где располагались кабинеты заводского руководства, проскрипела с раздражением, глядя поверх его головы:

– Срочно поднимись в приёмную! Звонят из Москвы. И кому-то ты там вдруг понадобился!?

Удивлённо подняв бровки домиком, сказала, как выстрелила, отделяя короткие фразы одну от другой неглубокими вздохами, как это делают запыхавшиеся от быстрой ходьбы или без меры раздражённые люди. Всё-таки любопытство взяло верх над снисходительностью по отношению к едва ли не самому малозначимому работнику предприятия. Часто-часто стуча каблучками по керамическим плиткам пола, барышня засеменила следом, стараясь не отстать и не пропустить какого-нибудь важного эпизода неординарного события.

Однако те несколько скупых фраз, которыми седоволосый моложавый сторож отвечал невидимому собеседнику, разочаровали, ничуть не прояснив ситуацию.

– Ну, хорошо, буду, – бесцветным тоном завершил разговор мужчина, выслушав собеседника, и, недоумённо пожав плечами, положил трубку...

На самом же деле, звонок из Москвы глубоко взволновал его. Звонили из легендарной организации, чьё местоположение на улице, названной в честь советской лётчицы, командовавшей в годы войны авиационным полком дальнего действия, было хорошо ему известно.

— Ну, здравствуй! Надеюсь, узнаёшь начальника? — басил в динамике трубки знакомый голос. — Как ты там у себя в Залужске, мхом ещё не покрылся? Хватит дурака валять, дело для тебя есть. Думаю, за новостями следишь, поэтому догадываешься, где именно предстоит поработать. Так что сворачивайся там, не медля, и завтра с утра будь у меня. Всё, до встречи.

Сознавая, что возражения не принимаются, он, тем не менее, отлучился в обеденный перерыв с поста и, найдя укромное местечко за пределами заводской площадки, у чахлого сквера, что перед фасадом административного корпуса, набрал на клавиатуре мобильника знакомый номер:

– Дело в том, Тихон Евстигнеич, что проживаем мы с женой в заводском общежитии, из которого её после моего сегодняшнего увольнения незамедлительно выселят. Оставлять же Антонину на постое в чужом доме мне бы не хотелось. Есть какие-нибудь варианты?

На московском конце провода натужно засопели, потом проворчали что-то в том плане, что некстати заведённые семьи служат лишь обузой специалистам в определённых областях и головной болью для их командиров. Однако, после недолгих раздумий, дали указание зайти в городскую администрацию, куда немедленно будут переданы соответствующие распоряжения.

* * *

... Заместитель главы города, ведающий, в том числе, и жилищными проблемами, не старый ещё суетливый человек в дорогом костюме, прикрывающий раннюю лысину прядью зачёсанных с затылка волос, небрежно указал ему на стул, предназначенный просителям.

– И что они там, в столице, себе думают? С горем пополам получаем в своё распоряжение не больше десятка новых квартир в год. А очередников знаете сколько? Нет? Вот и хорошо, что не знаете, а то бы рухнули от изумления.

Ладно, тут вот, кстати, освободилась комната за выбытием жильца. Да, умер дедушка. Одинокий был. Но, сразу хочу предупредить, не хоромы, далеко не хоромы! Чтобы без претензий. А впрочем, пожалуйста, жалуйтесь, другого всё равно ничего нет. Помоему, в качестве временного жилья вполне сойдёт...

Выправив необходимые бумаги, что, на удивление, заняло не более часа, он отправился в городскую поликлинику, где супруга работала участковым терапевтом. По дороге подбирал слова, как объяснить Антонине необходимость своего внезапного отъезда. Ведь несколько лет тому назад, вернувшись, можно сказать, что из небытия, он зарочно обещал больше не оставлять её, навсегда покончить с той клятой профессией, которая послужила причиной резких перемен во всём устройстве их, казалось бы, налаженной и стабильной жизни.

И опять слова не сдержал! Что поделаешь, когда-то по собственной воле он выбрал одну из тех немногих сфер деятельности, которые отпускают лишь уходящих в вечность. Не ему ли предстоит туда дорога на этот раз, кто знает. Впрочем, острота дурных предчувствий с годами как-то притупляется, уступая место осмотрительности и твёрдому расчёту. От приобретённого опыта, должно быть...

Неплохо ориентируясь в хитросплетениях улиц и переулков городка, в котором она провела детские годы, Антонина привела мужа с двумя большущими сумками в руках по названному им адресу к двухэтажному бараку довоенной постройки. Наугад вдавила одну из кнопок многочисленных звонков, бессистемно разбросанных по косяку двери квартиры в первом этаже.

На трель из-за приоткрывшегося проёма высунулась старушечья голова, покрытая, несмотря на тёплую июньскую погоду, серым пуховым платком. Не подавая голоса, женщина вопросительно оглядела незнакомцев, не торопясь впустить.

Отыскав взглядом место почи-

Комната оказалась не такой уж и маленькой — четыре на пять шагов, вытянутая в сторону окна с шелушащейся краской на переплёте и пыльными стёклами. Узкая железная койка, пара разнокалиберных табуретов да фанерный двустворчатый шкаф составляли убогий интерьер. По обрывкам тряпья и клочкам бумаги на полу можно было безошибочно судить о произведённом кем-то из соседей доскональном обследовании имущества усопшего.

Сдёрнув на пол с постели мятую простыню, обильно расцвеченную ржавыми пятнами, на которую не покусился и самый небрезгливый обитатель квартиры, он выгреб на неё остатки содержимого шкафа, свернул узлом, вынес на помойку. Туда же отправил и тощий матрац с бесформенной от длительного использования подушкой.

ще на деревянном полу, он поставил свою ношу и показал старухе полученный в администрации документ:

Позвольте войти! Покажите комнату, которая свободна, мы ваши новые соседи!

Скользнув недоверчивым взглядом по бумаге, на которой в сумраке вестибюля она вряд ли смогла разглядеть что-либо, кроме жирно выделявшейся синим цветом печати, старуха, тем не менее, попятилась и освободила пришедшим проход внутрь квартиры.

Вот она, комната, первая от входа, – указала она на фанерную дверь с левой стороны коридора. – Тут Фаддеич новопреставленный проживал. Теперь вы, стало быть, ему на смену заселитесь...

Пока муж расправлялся со стариковским наследством, Антонина разжилась у соседки жестяным ведёрком, тряпкой и, подоткнув юбку, привычно принялась за уборку, начав с заваленного окурками подоконника. Он же, распаковав один из принесённых выоков, сноровисто застелил постель, потом, взгромоздясь на табурет, показавшийся наиболее надёжным, приладил под потолком небольшой абажур.

Часа не прошло, как комната преобразилась и обрела более или менее обжитой вид. На электроплитке, распространяя аппетитный запах, зашкворчала сковорода с покрывавшимися золотистой корочкой ломтиками картофеля.

Потушив свет, муж и жена, прижавшись друг к другу, молча сидели на прогнувшейся под их весом сетке кровати. В такую

минуту слова были бы лишними. Они без дежурных фраз знали о чувствах друг друга. Оба сознавали, что ему предстоит через деньдругой перенестись за сотни, а то и за тысячи километров от этого городка, бывшего для неё когда-то родным, подзабытого в столичной суете, а теперь, спустя много лет, нагаданно-нежданно принявшего их, переживших множество разлук, встреч, обретений и тяжёлых потерь.

Он, примерно представляя, в

каких краях надлежит провести

неисчислимое заранее количество

дней и ночей, внутренне собирал-

ся, сосредотачивался, настораживался, как выходящий на охоту

зверь. Она, не утирая набежавшие слезинки, с безысходностью принимала близящуюся разлуку с родным человеком. Бог весть, сколь долгий период одиночества без возможности поделиться с ним наболевшим, написать, позвонить

*

Сутки спустя, вырвавшись из пригородной толчеи, по вечернему шоссе в сторону Залужска, не

ния, готовясь, уже в который раз, существовать в постоянном тревожном ожидании, укрепляя себя верой в его благополучное возвращение, она не позволяла взять верх искушению и, вцепившись в мужа, завыть по-бабски: «не пущу!», но нашла в себе силы улыбаться сквозь слёзы, напутствуя:

— Я знаю, ты справишься. Ты у меня сильный. Не тревожься за меня, любимый, я тоже всё выдержу. Знай, буду ждать тебя, несмотря ни на что!

Прощание не было долгим. Так

предстоял ей. Даже в эти мгнове-

трощание не оыло долгим. Так же молча, не отрывая друг от друга глаз, поужинали. Встав из-за стола, он крепко обнял Антонину, перекинул через плечо ремень сложенной загодя дорожной сумки и, решительно затворив за собой дверь, размеренно зашагал к вокзалу, где уже поджидала пассажиров светящаяся окнами ночная электричка...

Сутки спустя, вырвавшись из пригородной толчеи, по вечернему шоссе в сторону Залужска, не признавая правил движения, мчалась автомашина. Он сидел рядом с водителем, молодым разбитным парнем, отлично знающим своё шоферское дело.

– Извини, Павел, что заставил тебя сойти с маршрута. Только невмоготу мне, понимаешь! Никогда ничего подобного не позволял. Работа – она всегда работа. Уходил спокойно. Возвращался в приподнятом настроении. Теперь тревожно как-то на душе. Кураж, что ли, потерял. Скверно это, особенно в нашем деле, сознаю. Но ничего с собой поделать не могу. Свербит в мозгу, что необходимо ещё раз

увидеться с супругой перед отъездом, и всё тут!

— Не переживайте, товарищ полковник! Семь вёрст — бешеной собаке не крюк! Приехал-то я за вами, как что предчувствовал, малость загодя установленного времени. Нагоним в пути. На «точке» вовремя будете.

Прекратив разговор, он прислонился лбом к стеклу и зажмурил глаза. В памяти пронеслись едва не ставшие для него роковыми события предыдущей экспедиции. Предательство человека, которого он многие годы полагал своим другом, гибель товарищей, плен, пытки, затем полтора года подневольного унизительного труда на местного князька без возможности

передать весточку близким. Потом удавшийся побег, месяц скитаний впроголодь на чужбине и, наконец, возвращение домой.

Радость от встречи с женой омрачилась известием о похищении неизвестными единственного сына-школьника. Вероятно, то была расплата за его обагрённый вражеской кровью побег из неволи. «Те» подобного самоуправства не прощают! В милиции, куда они с женой обратились с просьбой помочь в поисках пропавшего ребёнка, не то что намекнули, а прямо так и заявили: «Думать надо было раньше о безопасности семьи, пол-

Как в тумане прошли тяжёлые в их жизни полгода в ежеминутном ожидании известий о судьбе сына. Но их не было. Никто не звонил с требованием выкупа. Тогда он и подал рапорт об оставлении службы. Ни на какие уговоры и посулы начальства не поддался. Сказал – как отрезал.

ковник!»

Жить в доме, где всё напоминало об исчезнувшем мальчике, сделалось невмоготу. Они с супругой решили продать квартиру и уехать из города. Куда, долго размышлять не пришлось, да и не то было у них на то настроения. Выбрали Залужск, где у Антонины уже не осталось родни, а, значит, не следовало отвечать на расспросы, принимать соболезнования и ловить на себе сочувственные взгляды. В тяжё-

лые дни требовалось побыть наедине с бедой, поддерживая друг друга и полагаясь на народную мудрость, будто время – лучший лекарь.

Проблем с трудоустройством на новом месте не возникло. Антонину, как столичного специалиста, да ещё с кандидатской степенью, с готовностью приняли в городскую поликлинику. Ему же, как бывшему офицеру, предложили одну из руководящих должностей в охране завода – градообразующего предприятия городка. Он, однако, отказался, сославшись на полученные ранения и накопленную за годы службы усталость, и оформился простым контролёром. Так-то оно было и лучше: отстоял смену – и вольный казак на трое суток. Как семейному, ему выделили вполне приличную комнату в заводском общежитии.

И вот теперь по его милости разрушалось их устоявшееся на новом месте бытие. Антонина снова остаётся одна. На долго ли? Кто знает! Ради нестерпимого желания увидеть, ещё раз обнять жену перед командировкой, он позволил себе такое небывалое ранее самовольство: гнать машину за сто вёрст в противоположном от места назначения направлении. Пусть! Он стиснул зубы и открыл глаза. Смеркалось. По ряду примелькавшихся дорожных отметин определил, что подъезжают к Залужску.

* * *

Павел, заручившись заверением пассажира вернуться спустя пять минут, остановил автомобиль в указанном ему месте, за квартал от нового жилища Антонины. К дому решил пройтись пешком,

*

чтобы не смущать его любознательных обитателей. Приближаясь, задумался: сколько раз и в
какой звонок позвонить? Жильцов
много, у каждого свой сигнал, а
тревожить чужих людей вечерней

порой не хотелось. Решил, что стукнет в окно, благо – дотянуться не проблема. Подойдя к бараку, увидел: окно

комнаты жены, единственное в

первом этаже, ярко освещено. Поднялся на цыпочки, подтянувшись за отлив окна, заглянул внутрь. Увиденное не столько удивило, как озадачило: вокруг откуда-то принесённого овального стола сидела масса неведомого ему народа. Странно, никогда жена не была

Легонько постучал по стеклу костяшками пальцев. Антонина, сидевшая спиной к окну, обернулась и, узнав мужа, удивлённо всплеснула руками. В чём была, выбежала к нему во двор.

склонна затевать застолья!

- Да ты что, в одном платье вечерок-то прохладный! – Не страшно, не замёрзну, ты
- ведь рядом! А я решила, уехал – Неужто, так обрадовалась,
- что отпраздновать впору? грустно усмехнулся он. – Как тебе не стыдно такое обо
- мне подумать! Пойдём к столу! потянула Антонина мужа за рукав. – А к месту ли я буду?
- Ну вот, опять ты за своё! Идём, идём! Это соседи настояли. Говорят, положено с новосельем проставляться, чтобы чего дурного не вышло. Станешь тут суеверной с твоей-то службой! Вот и пришлось сообразить на скорую руку. Хорошо, соседка, Таисия Петровна, помогла. Помнишь, та старушка, что нам дверь отперла давеча?

Он с неохотой вслед за женой вошёл в душную комнату. Потоптался у порога, пока супруга усаживалась на прежнее место. Оглядел присутствующих профессиональным взглядом, точно оце-

Рядом с женой, по правую руку - старушка, верно, та самая Таисия Петровна, снявшая ради праздничка с головы пуховый платок, в котором встречала их днём на пороге. Слева – патлатый подросток, лет четырнадцати, стоит на коленях на стуле вполоборота к Антонине и не сводит с неё восхищённых глаз. Военный неопределённого возраста в форме. Рядом с ним – женщина с немытыми волосами и унылым лицом, вероятно супруга военного.

Три старушки, чем-то похожие

одна на другую, наверное, любо-

пытством, с которым беззастенчиво разглядывали вошедшего,

жались на скамейке. Мужичок с опухшей физиономией, лило-

вым носом и небритыми скула-

ми. Глядит исподлобья, но нагло. Кудрявый розовощёкий крепыш

нивая: откуда может грозить опас-

ность.

с самоуверенным видом первого любовника. Публика, одним словом, не вызвала симпатии, но отступать было непривычно. Здорово бывать честной компании! – процедил он сквозь зубы негромко, но внятно. - Вот, уезжаю я на время, а супругу свою оставляю здесь. Признаюсь, с нелёгким сердцем оставляю. Непривычна она к такому коммунальному житью-бытью. Потому предупреждаю: обидит кто в моё отсутствие, пускай пеняет на себя. Не пощажу! И казнить стану долго,

– А сможешь ли? – задорно выпалил розовощёкий неожиданно звонким мальчишечьим голосом, окинув взглядом сухопарого гостя. – Не сдрейфишь?

мучительно.

 Так его, Петька, по-нашенски срезал, – легонько ткнул того в бок костлявым кулаком уважительно и в поддержку алкаш.

Желваки заходили у вошедшего на скулах. Пристально глянув в глаза крепышу, так же тихо, но более весомо ответил:

– А в этом, мил человек, не со-

- мневайся. Вот ты, конечно, ежели и видел когда, то киношную инсценировку того, как с живого человека кожу снимают, вроде как шкуру с барана. Мне-то взаправду довелось глядеть на такое, что и врагу не пожелаю. А вокруг зрители пялятся добрая сотня старух, стариков да детей из аула. Не просто наблюдают, а одобрительными криками раззадоривают палача, в мягких сапогах размеренной кошачьей походкой двигающегося вокруг жертвы с
- лей, не нашлось, прервал кучерявый задиристо.

 То-то и оно, что некому было выручить. Не в фильме дело про-

болезного среди вас, наблюдате-

А что, смельчаков выручить

окровавленным ножом в руке...

исходило, не имелось такой возможности.
В глазах у него потемнело от нахлынувших воспоминаний, ко-

нахлынувших воспоминаний, которые с тех, давно прошедших дней войны не отпускают, не уходят из ума.

Как лежал он, избитый и спелёнатый по рукам и ногам, привалясь спиной к камню, плача в бессильной злобе и тоске, закрывая глаза, чтобы не видеть, как бандит режет привязанного меж двух деревьев с седыми, точно дорожная пыль, стволами и чахлой, пожухлой от жары листвой старшину Шелудченко. Почему именно тому выпала страшная участь? Наверное, крепче был сложен, вот и выбрали его, решили покуражиться, свою власть показать, а других устрашить.

Только вышло оно наоборот. Не страх, а ненависть разожгли в его сердце небывалую. Такую, что, как бы освободился, зубами бы грыз всю эту бандитскую свору вместе с отцами их, матерями и детишками лишь за то, что те, пританцовывая и цокая языками, глядели на супостатство и не пресекли его. Не мог он слышать с тех пор гортанной речи, закипала кровь. А когда снились горы, шарил вокруг себя в ночной тьме, искал автомат и с криком просыпался, пугая жену. Эх, как понимал он в такие минуты того танкиста, полковника, гвардии которого предала власть суду в угоду трепачам-правозащитникам!

Поняв состояние мужа, поднялась со стула Антонина. Подошла, взяла за руку, усадила на освободившуюся враз скамью. Сама рядом примостилась, склонила голову ему на плечо и гладила по щеке, успокаивая, как дитя.

Сообразили тут гости, что лишние они, надо оставить хозяев наедине. Первым поднялся военный, потянул за собой к двери подростка и жёнку, упиравшуюся и с разинутым ртом глядевшую на непонятую ей сцену семейной идиллии:

— Пошли мы бывайте хозяева

 Пошли мы, бывайте хозяева, как говорят, здоровы. Никого мы тут не обижали да и обижать не собираемся!

Следом, шурша длинными юбками, цугом выскользнули за дверь старушки. Сперев под шумок со стола недопитую поллитровку, нетвёрдой походкой удалился пьянчуга. Кучерявый крепыш ссутулился, будто сдувшись, последним скрылся за дверным проёмом.

Но его в эту минуту уже не заботили чужие люди. Рядом находилась та, дороже и ближе которой никого не было у него на свете. Им предстояла разлука. Впереди маячила неизвестность. Дорога, о которой заждавшийся водитель требовательно возвестил клаксоном подъехавшей к дому машины, вела далеко от дома. Оба знали, что об-

ратного пути ему может и не выпасть. Но по русскому обычаю обнялись у порога и, троекратно поцеловавшись, едва слышно пожелали друг другу: «до свидания»...

ЛЕСНИК

еда, опять ты ни свет ни заря поднялся! Пора бы уже угомониться — или из памяти выпало, что не служишь больше? Уволили тебя на пенсию, ну так и уймись, — четырнадцатилетняя внучка Женюрка, состроив сердитую мордашку, деланно ворчала, искоса поглядывая на мать в ожидании одобрения.

Лидия же, не вступая в разговор, но прислушиваясь к нему с удовлетворением, продолжала ловкими руками чистить к обеду картошку, отправляя длинные стружки тоненько срезанной кожуры в стоящую у ног бадью, куда попадали все пищевые отходы, годные на корм поросёнку.

Фёдор Васильевич Макаров, следуя давно выработанной привычке, вставал рано поутру теперь уже не в силу обязанности, но по зову совести. Ему, бывшему лесному обходчику, покоя не было ни днём, ни ночью от мысли о лесных пожарах. Да как же иначе! Лето выдалось небывалым: с середины июля в центральных районах страны властвовала жара, какую, как говорится для красного словца, не помнил никто из старожилов. Впрочем, много ли их, старых, осталось на селе? Ведь именно по ним в первую очередь прошли железным катком «реформы», отнимая пусть и не шибко зажиточные, но

привычные и устойчивые условия бытия.

Вот уже и треть августа мино-

вала, а воздух раскалён и обезвожен. Как не гореть безнадзорным теперь лесам да осушённым торфяникам! Потому-то, лишь зарозовеет небо на востоке, с кряхтением снимал с постели и опускал на дощатый пол зудящие, с набухшими узлами вен ноги вдовец Макаров. Выждав несколько минут, пока успокоится и войдёт в обычный ритм изношенное сердце, потревоженное сменой положения тела, да отойдёт после сна застилающая глаза пелена, брёл в сени к умывальнику, набирал в сомкнутые чашей ладони так и не остывшей за ночь после знойного дня воды, омывал бородатое лицо. Потом обряжался в брезентовую робу, обувал резиновые сапоги, наполнял у колодца оставшийся с прежних времён заплечный бачок и, насколько позволяли силы, поспешал на бугор к лесопосадкам. оказывалось - не впустую торопился старый лесовод. Всё ближе к деревне подходила полоса пожаров, вот и в длинных шеренгах маленьких ёлочек нет-нет, да и займётся сухая трава – так и до великой беды недалеко, если не поспеешь вовремя залить!

Но разве втолкуешь неразумной девчонке, отчего болит душа

за судьбу молоденьких саженцев. Ведь живые они. А уж поднимутся, распушатся — красотища будет неописуемая! Да что там — Женюрка, взрослых не вразумишь. Вот сосед, в прошлом неплохой механизатор, а в новые времена

механизатор, а в новые времена первостепенный лоботряс Пронкин, подначивал второго дня, когда Макаров, возвращаясь домой из леса, проходил мимо кем-то заготовленных на сруб баньки, но уже почерневших от времени ввиду

отсутствия заказчиков брёвен, где тот бражничал с собутыльниками:

- Охота тебе, Василич, задарма ноги-то сбивать! Вот вроде разумный ты мужик, образованный - техникум в Судогде окончил. Что ни день, мотаешься, бак с водой на горбу таскаешь, а не кумекаешь при этом: не наш теперь лес, господский! Всю округу, слыхал, скупил этот «соловей российский», ну, тот, славный птах, который, ядрёный корень. Его семейство лесами-то Муромскими теперича владеет. Ладно, пускай, коли так обернулось. Поперву и нам польза была – щедро платил певун за вырубку. А потом что-то

Отобедали по семейной традиции молча. Только успели Лидия с пособляющей ей дочерью в четыре руки убрать со стола, заявилась соседка:

— Макаровы, с рас прести цель

разладилось там у них: задолжал

работягам, так со многими и не

– Макаровы, с вас двести целковых! Чуете, как гарью-то пахнет? Огонь, говорят, рядом уже совсем, вот и решил народ дозорных выставить, чтобы пламя, подкравшись, врасплох не застало. За так никто дежурить не согласился, времена нынче другие. Потому и

расплатился сполна. Гневается на него народ. Иной раз нарочно пал пускают — ущерб-то богатею, не нам. А ты ходи, туши, туши, малохольный!

Пустой ты человек, Санька, балаболка! У кого в здравом уме рука поднимется взнарок лес-то жечь – это ж такое чёрное дело. Ну ладно, окурок там бросить, толком не загасив спьяну, или костерок путём не затоптать – мало ли вас, шалопутов, в округе. Но чтобы такое непотребство – ни в жисть не поверю!
Твоя воля, Макаров! Хошь –

Твоя воля, Макаров! Хошь –
верь, хошь – нет, а я знаю, о чём толкую. Жжёт лес народ, – упрямился Санька, потрясая пивной бутылкой.
Совсем, видно, лишил вас Го-

сподь разума! Чьим бы лес ни был, а живёте-то нонешним днём все от его богатств, его дыханием! Сам же грибы, ягоды да орехи к трассе вёдрами выносишь городским продавать. Первач-то не на бруснике, что ли, мамашка твоя настаивает? А пьёшь всю зиму разве не под грузди солёные? Али на грядках всё это добро-то произрастает? Эх вы, поджигатели хреновы! Доиграетесь, свои усадьбы спалите...

собираем по две сотни с каждого двора, вроде как им на жалованье.

Пока Лидия шуршала под сложенным стопкой бельём в шифоньере, отсчитывая деньги, соседка без передыха тараторила, спеша выложить последние сельские новости:

 А слыхали, глава-то наш,
 Мишин, семью от греха подальше вывез из посёлка. Ну, да, у них же во Владимире квартира преогромная, вот там от огня они и схоронились. Сам, вроде того, машинах пожаловало - в костюотпуск оформил, но звонит в администрацию каждый день, сводки требует: как идёт противопожарная подготовка. Допёк всех! А как она идёт, сами видите. Вокруг села прокопали канавку на лись. штык лопаты, шириной меньше Вон мужики, что пооборотистей, сговорились, трактора, куворобьиного шага. Разве этим

спасёшься! Говорят, «наверх» доложили, будто ров вырыли. Врут всё, прости Господи, лишь бы красиво отчитаться да денежки прикарманить!

 А ты, Семёновна, на крайний случай вещи-то какие собрала ли? Лидия передала соседке деньги.

– Вот у нас чемоданчик под кроватью наготове - документы, ну там фотки старые, немного одежды. Что на первое время надобно. Ежели придёт беда, подхватил и

бежать!

Ой, милая! Да куда это, как же я хозяйство-то брошу! Нет такого сундука, чтоб его упрятать. Авось, пронесёт. Тут вчерась с небес вертолёт опустился за околицей. Министр прилетал, тот, что спасает всех. А вы что, и не знали? Вышел он, значит, такой, в рабочей спецовке, с киркой в руках. И военные

с ним. А из района начальство на

– Ты, отец, опять, что ли, в свой дозор собрался? Поел бы на доро-

гу! – Лидия, зевнув, взмахнула руками, точно скидывая не выпускающее её состояние полусна.

 А самой-то что не лежится, спозаранку нынче вскочила?

 Приготовлю Женюрке втрак да пойду к магазину очередь занимать. Вон соседки соль, сахар, спички запасают. Муки надо взять, масла растительного, посмотрю

там, чего ещё. Всполошно как-то!

мах и при галстуках. Министр как цыкнет на них – не знали, бедные, куда деваться. А он собравшимся мужикам велел самим меры принимать, коли начальники зазева-

пленные в бывшем совхозе, завели и опахали село. Потом Отец Алексей крестным ходом народ вокруг провёл – как-то отлегло от сердца, ушла тревога. Нет, не оставят нас Царь Небесный да Пресвятая Богородица!

– Это что, взаправду министр чрезвычайный приезжал? - спросил Фёдор Васильевич у дочери, когда дверь за соседкой затворилась. Ну да! – опередила мать Же-

нюрка. – За мной Вовка соседский зашёл, и мы побежали на вертолёт поглядеть. Только лопаты у министра не было, врёт она! А вот ругался он на начальство на чём свет стоит. Вовка от дружков слыхал, что за Окой второй вертолёт садился, а в нём кто-то уж шибко важный прилетал. Тоже с народом потолковал и отправился себе дальше...

А вот тебе, отец, наверное, можно было бы теперь и дома посидеть - зря, что ли, дежурным платим! Предупредят, коли что.

 Знаем мы этих сторожевых, - собираясь в путь, ворчал Мака-

ров. – Зальют глаза-то с вечера и уснут. Сами бы не сгорели первыми. Тоже мне, дежурные!

Запах гари на улице определённо усилился, но Макаров заключил: почудилось. Выйдя околицу, он привычной дорогой ближе подходил, тем решительнее ускорял шаг, уже явно различая над молодыми деревцами струйки дыма. Суета и гомон встревоженных птиц, лесных обитателей, не оставил сомнений: горит ближний лес!

«Эх ты, вот и пришла беда!» – подумалось старому лесоводу.

Поднявшись на бугор, по которо-

му плотными стройными поряд-

направился к лесопосадкам. А чем

ками были высажены молодые деревца, Фёдор Васильевич смог охватить взглядом и оценить всю картину бедствия. Лес горел в низине, по другую сторону бугра, вот отчего пожар не был виден из села. По высушенной зноем траве от опушки робкие пока языки пламени подобрались уже к молодой поросли, уничтожая на своём пути одну за другой вспыхивающие, как свечки, ёлочки. Сняв со спины бачок, Макаров взялся экономно, но прицельно заливать и затаптывать очажки возгорания. Потом, бросив уже ненужную, ставшую обузой опорожнённую ёмкость, огнеборец расчехлил сапёрную лопатку, висевшую до того на ремне, и принялся споро засыпать землёй огненные змейки, но они, как закол-

взялся экономно, но прицельно заливать и затаптывать очажки возгорания. Потом, бросив уже ненужную, ставшую обузой опорожнённую ёмкость, огнеборец расчехлил сапёрную лопатку, висевшую до того на ремне, и принялся споро засыпать землёй огненные змейки, но они, как заколдованные, возникали то тут, то там снова. Понимая, что со стихией не совладать, в отчаянии от бессилия скинул с себя брезентовую куртку, долго и упорно сбивал ею огненные языки, нанося удары, как учили когда-то, сбоку, по направлению к огню. В пылу схватки и не заметил, что, закружившись, углубился слишком далеко в полосу посадок. Лишь

резь в глазах и лёгким перестало доставать воздуха, спохватился. Следовало как можно быстрее выбираться из огненной ловушки. Но в плотной пелене дыма не было никакой видимости, поэтому, куда бежать, Макаров сразу и не сообразил. Вдруг рядом с его

ногами промелькнул рыжей мол-

нией спасающийся от пожара зве-

рёк. Лиса!

когда едкий чад вызвал сильную

«Зверь всегда знает, где безопаснее, значит, надо довериться его чутью», — понял лесовод и поспешил следом. Вскоре, зашедшись от кашля, выбежал-таки Фёдор Васильевич на незадымлённую пока луговину и тут только почувствовал, как жжёт тело тлеющая ткань. Вот здесь-то силы его окончательно и оставили, больные ноги предательски подогнулись, и он, как ватный, опустился в траву, успев лишь сорвать и отбросить в сторону прожжённую рубаху.

«Эх, худо! Не успел дойти до села, соседей предупредить», — сверлила мозг досадливая мысль...

– Ищите мужики, окрест он где-то, – вызволил Макарова из небытия недалёкий крик знакомого голоса. – Сюда, нашёл, – завопил Санька Пронкин уже совсем рядом. – Воды, воды давай, лей, не жалей на порты, вишь, обуглились уже!

Струи прохладной влаги окончательно привели старого лесовода в чувство.

– Да не меня тушите, не меня – лес спасайте, дозорные, – осипшим голосом, кашляя, наставлял он подоспевших односельчан...

Что именно послужило непреодолимой преградой пожару – вовремя ли распаханная полоса, Крестная ли Сила, призванная на подмогу дружным шествием с совместной молитвой общины, Бог весть. Факт то, что бушевавший, казавшийся непобедимым всепожирающий огонь сник и увял на подступах к селу. Прибывшие пожарные расчёты вместе с сельским народом подавили последние его проявления, отстояв нетронутой большую площадь лесопосадок.

Под вечер прокопчённые дымом пожарища мужики без сговора потянулись на привычный пункт сбора, к старым брёвнам. Одним из первых пришёл ранее чуравшийся злачного места Фёдор Васильевич Макаров. Отстраняясь от бестолкового галдежа коллективной беседы, он, глядя в землю, задумчиво курил, усевшись особняком, точно чего-то дожидаясь.

Наконец с четвертью самогона подмышкой явился взбудораженный, как обычно, Пронкин, встреченный одобрительным гулом собравшихся. Кто-то подал ему помятую алюминиевую кружку:

- Наливай, заждались!
- Спасибо тебе, Санёк, крепко выручил ты меня давеча, сбил настрой поднявшийся Макаров, решительно шагнув с протянутой рукой к Пронкину.

Тот, передав бутыль сидящему рядом, смущённо ответил на рукопожатие:

- Полно тебе, Василич, чего уж там! Свои ведь люди. Как подругому-то... Давай с нами, махни за компанию чуток с устатку!
- За приглашение благодарствую. Только знаешь ведь, непьющий я. Не за тем пришёл. Вишь, как оно обернулось... А доигрались-таки твои поджигатели! Или наболтал ты чепухи спьяну в тот раз, скажи по чести?
- Нет, лесник, то стихия, не наших рук дело! А что правдато правда. Был грех, пускали пал. Только не по злобе верно, это сбрехнул я сгоряча а, как тебе втолковать, по подряду, вот! Управляющий, что нанимал мужиков лес валить, велел раздругой запалить малость. Потом докладывал, будто сгорело много леса, а сам под шумок пилил и продавал, себе не в убыток. Такой вот бизнес у них, городских, нашему-то мужичьему разуму не постичь...

Обречённо махнув рукой, Макаров, не простившись, покинул собрание.

«Чудны дела Твои, Господи! И впрямь смутные времена пришли. Выберемся ли из них когда?» — качая головой, размышлял он, понуро шагая в сторону своего двора...